

Эдгар Аллан По

ПАДЕНИЕ ДОМА АШЕРОВ

МОСКВА

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
П41

Перевод с английского

Оформление серии «Всемирная литература (с картинкой)»
Натальи Ярусовой

Оформление серии «Классическая и Современная литература»
Николая Ткача

В оформлении переплета использованы фрагменты работ
художников Джона Эткинсона Гримшоу и Джорджа Ромни

По, Эдгар Аллан.

П41 Падение дома Ашероу : [перевод с английского] / Эдгар
Аллан По. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-187627-2 (Всемирная литература (с картинкой))
ISBN 978-5-04-188165-8 (Классическая и Современная литература)

«Есть такой тип современного читателя — любитель детективов. Этот читатель был создан Эдгаром Алланом По», — сказал знаменитый писатель Хорхе Луис Борхес о великом предшественнике. Эдгару По обязан своим существованием не только этот тип читателя, но и особый тип писателя. Его влияние обозначилось на многих замечательных явлениях в мировой литературе. Родоначальник детективного жанра, он не менее успешно создавал шедевры в других жанрах: и новеллы ужасов с элементами фантастики; и романтические рассказы о любви, не знающей границ; и многое другое.

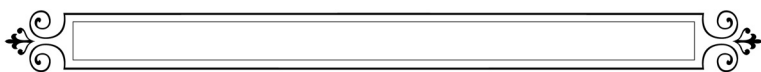
Певец «тревожных шорохов» Эдгар По неподражаем во всем, чем славится современный триллер. Пограничные состояния, ужас души перед бездной, раздвоение сознания мастерски изображены в его новеллах. Точность в деталях, авторская отстраненность, тонкая пародия на кошмары готического романа — эти и другие отличительные особенности прозы Эдгара По позволили ей стать захватывающим чтением для многих поколений.

В сборник «Падение дома Ашероу» включены одни из лучших произведений Эдгара По — психологические, детективные и фантастические. Таинственные истории, в которых трудно провести грань между реальностью и вымыслом, а ужас подавляет все остальные чувства.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-187627-2
ISBN 978-5-04-188165-8

- © Александрова З., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
- © Галь Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2024
- © Вольпин Н., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
- © Неделин В., перевод на русский язык.
Наследники, 2024
- © Самсонова Д., перевод на русский язык, 2024
- © Холмская О., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

КОРОЛЬ ЧУМА

Рассказ, содержащий аллегорию

Чего в королях вполне потерпят боги,
Того для черни вовсе не хотят.

«Трагедия Феррекса и Поррекса»

Бакхерст

Около двенадцати часов ночи в месяце октябре, в рыцарское царствование третьего Эдуарда, два моряка, принадлежащие к экипажу «Легковольного», торговой шхуны, крейсирующей между Слюисом и Темзой и тогда стоявшей на якоре в этой реке, были весьма изумлены, увидев себя заседающими в кабачке, уставленном пивными бочками, в приходе Св. Андрея в Лондоне — каковой кабачок в виде вывески был украшен портретом «Веселого Моряка».

Помещение, хоть и дурно сколоченное, зачерненное дымом, с низким потолком, и во всех отношениях вполне согласующееся с общим характером таких мест в данный период, — было тем не менее по мнению причудливых групп, рассеянных в нем тут и там, вполне достаточно приспособлено для своей цели.

Из этих групп два наши моряка являли, думаю я, самую интересную, если не самую бросающуюся в глаза.

Один, по видимости старший, которого товарищ в обращении титуловал определительным прозвищем «Снасти» [*Legs* имеет два значения в английском языке — *ноги* и *снасти*, или, точнее, *разветвления снасти*], был в то же самое время и значительно выше ростом. Он мог быть шести футов

с половиной, и обычная сутуловатость, казалось, была естественным следствием роста такого огромного. Излишества в росте, однако, были более чем возмещены недостатками в других отношениях. Он был до чрезвычайности тонок и мог бы, как утверждали его товарищи, заменять в пьяном виде вымпел на топе у мачты, в трезвом же состоянии служить как утлегарь. Но эти шутки, и другие подобные, явно не оказывали ни в какое время какого-либо действия на хохочущие мускулы испытанного моряка. С выдающимися скулами, с длинным ястребиным носом, с убегающим подбородком, с отпавшею нижнею челюстью и огромными выпуклыми белыми глазами, выражение его лица, хотя и всегда окрашенное известного рода упорным равнодушием ко всему и всем вообще, было тем не менее крайне торжественно и серьезно превышает каких-либо попыток подражания или описания.

Младший моряк был, во всем своем внешнем виде, обратной теоремой своего товарища. Рост его не мог бы превысить четырех футов. Пара коренастых кривых ног поддерживала его увесистую неуклюжую фигуру, в то время как его необычно короткие и толстые руки, завершавшиеся кистями далеко не обыкновенными, свисали, болтаясь по его бокам, как плавники морской черепахи. Маленькие глаза, цвета неопределенного, мигали где-то далеко там сзади в его голове. Нос его пребывал схороненным в массе плоти, которая облекала его круглое, полное и пурпурное лицо; и толстая верхняя его губа покоилась на еще более толстой нижней с видом благосклонного самоудовлетворения, еще более усиливавшегося привычкою собственника время от времени их облизывать. Видимо, он смотрел на своего высокого корабельного товарища, наполовину дивясь, наполовину насмешливо; и смотря иногда прямо на его лицо, как красное заходящее солнце смотрит на утесы Бен-Невиса.

Многоразличны и полны событий были, однако, блуждания этой почтенной четы вокруг и около разных кабачков по соседству в более ранние часы вечера. Фонды, даже и самые обширные, но неисчерпаемы; и с карманами вовсе

пустыми друзья наши рискнули заглянуть в данную харчевню.

Итак, в тот самый период в точности, когда, собственно, начинается эта история, Снасти и товарищ его Хью Брезент сидели, каждый опершись обоими локтями о широкий дубовый стол, находившийся посредине комнаты, и подпирая ладонями ту и другую щеку. Из-за огромной бутылки неоплаченного «шипучего вещества» [*пенистый эль*] они главели на зловещие слова «Мела Нет» [*т. е. в кредит не дают*], которые, к их негодованию и удивлению, были начертаны над входом с помощью того самого минерала, присутствие коего они пытались отрицать. Не то чтобы дар расшифровки письменных знаков — считавшийся среди простонародья того времени даром несколько менее каббалистическим, нежели искусство их составления, — мог быть, по строгой справедливости, поставлен на счет тому и другому воспитаннику моря; но, сказать по правде, был некий изгиб в начертании букв — было во всем, в них, некое неопишемое качанье судна, в волнение хлебающего воду, — которое предвещало, по мнению обоих моряков, долгий ток скверной погоды и сразу исполнило их решимостью, по аллегорическим словам самого знатока, чье имя было Снасти, ринуться «к помпам», поднять паруса и убежать от ветра.

Распорядившись, соответственно, с тем, что оставалось еще в бутылки, и застегнув хорошенько короткие свои куртки, они стрелою вылетели на улицу. Правда, Брезент дважды вкатился в очаг, ошибкою приняв его за дверь, все же ускользание их, наконец, счастливо осуществилось — и в половину первого ночи герои наши, вполне созрев для злодеяния, бежали, спасая свою жизнь, через темный переулок по направлению к лестнице Св. Андрея, преследуемые по горячим следам владельницей «Веселого Моряка».

В эпоху этого обильного событиями рассказа и периодически в течение целого ряда лет до и после вся Англия, в особенности же ее столица, была полна отзвуков страшного крика «Чума!». Город в значительной мере обезлюдел — и в этих ужасающих областях по соседству с Темзой,

где среди темных, узких и грязных улочек и закоулков, как предполагали, имел свое месторождение Демон Недуга, разгуливали только Страх, Ужас и Суеверие.

Повелением и властью короля такие местности были преданы опале, и кому бы то ни было, под страхом смерти, было возбранено проникать в их зловещее уединение. Но ни повеление монарха, ни огромные загородки, воздвигнутые при входе на улицы, ни предвкушение той омерзительной смерти, которая с почти безусловной достоверностью захватывала злосчастного, которого никакая опасность не могла удержать от приключения, не предохраняли разгромленные и необитаемые жилища от ночного грабежа, чья алчная рука тащила из них железо, медь, свинец, словом, все, что способно стать предметом доходности.

Более всего, при зимнем открытии загородок, находили обычно, что замки, засовы и тайные погреба оказывали лишь слабую защиту этим богатым запасам вин и крепких напитков, которые, ввиду риска и трудности их перевозки, многие из виноторговцев, весьма численных, имея лавки по соседству, соглашались доверить на время изгнания столь недостаточной безопасности.

Но мало кто среди пораженного ужасом народа приписывал эти деяния вмешательству человеческих рук. Духи Чумы, бесы поветрия и дьяволы лихорадки были в народном представлении демонскими пособниками злого дела, и каждый час в народе рассказывали такие леденящие кровь в жилах рассказы, что вся громада запретных зданий была, наконец, окутана страхом как саваном, и сам грабитель нередко бежал прочь, напуганный ужасами, которые он же создал собственными грабительствами, предоставляя весь обширный округ запретной местности мраку, молчанию, заразе и смерти.

Именно одной из таких устрашающих, уже упомянутых, загородок, указывающих область, находящуюся под чумной опалой, Снасти и достойный Хью Брезент, чуть не на четвереньках сбегавшие вниз по улочке, увидели себя внезапно задержанными в своем беге. О возвращении назад не могло

быть речи, и нельзя было терять ни минуты, ибо преследователи гнались за ними по пятам. Для бывалых моряков вскарабкаться на грубо сколоченную загородку из досок было делом пустяшным; и, обезумев от двойного возбуждения — гимнастического упражнения и поглощенных напитков, — они без колебания прыгнули вниз по ту сторону загородки и, продолжая свой пьяный бег с криками и воплями, вскоре потерялись в этих нездоровых и запутанных уединениях.

Если бы они, на деле, не были опьянены до потери морального чувства, их неверные шаги были бы парализованы ужасами их настоящего положения. Воздух был холодный и туманный. Камни мостовой, расшатавшиеся на своих местах, лежали в диком беспорядке среди высокой густой травы, в которой их ноги тонули до щиколоток. Рушившиеся дома загромождали улицы. Везде господствовали самые зловонные и ядовитые запахи; и при помощи того призрачного света, который даже в полночь всегда выделяется из чадной заразной атмосферы, можно было бы различить лежащие в улочках и закоулках или гниющие в незаконных зданиях трупы не одного ночного грабителя, захваченного рукою Чумы в самый миг свершения грабежа.

Но это было не во власти таких образов, ощущений или препятствий задержать бег людей, которые, будучи по природе храбрыми, а в это время особенно полные до краев смелостью и «шипучим веществом», покатались бы так прямо, как только позволило бы их состояние, с полной бесстрашностью в самую пасть Смерти. Вперед — все вперед шагал угрюмый Снасти, будя в торжественной пустынности звуки и переключки эха дикими воплями, подобными устрашающим бранным вскрикам индейцев: и вперед, все вперед катился приземистый Брезент, держась за куртку своего более деятельного товарища и далеко превосходя отважнейшие достижения этого последнего в области вокальной музыки бычачьим басовым ревом, вылетавшим из глубины его могучих легких.

Видимо, они прибыли к главному оплоту заразы. Дорога при каждом шаге их становилась все более зловонной

и ужасной — пути были все более узки и запутанны. Огромные камни и балки, падавшие поминутно с разрушающихся кровель над ними, свидетельствовали угрюмым и тяжелым своим нисхождением об обширной высоте окружающих домов; и в то время как самое деятельное усилие становилось необходимым, чтобы проложить проход сквозь частые груды мусора, отнюдь не редко рука их падала на скелет или покоилась на более мягком мертвом теле.

Вдруг, когда моряки споткнулись о порог высокого здания, похожего на громадное привидение, на более чем обычный пронзительный вопль, вырвавшийся из глотки возбужденного Снасти, последовал ответ изнутри, в виде быстрой смены диких, похожих на хохот, дьявольских криков. Нимало не уstraшенные звуками, которые, будучи такого рода, и в такое время, и в таком месте, могли сгустить самую кровь в сердцах не столь безвозвратно преданных пламени, пьяная парочка очертя голову кинулась к двери, взломала ее и ринулась в средоточие вещей с целым залпом проклятий.

Комната, в которой они очутились, оказалась лавкой гробовщика — предпринимателя похоронных процессий; но через открытую опускающую дверь на полу, в углу около входа, виднелся длинный ряд винных погребов, глубь коих, как свидетельствовал о том звук случайно разбившихся бутылок, была хорошо снабжена соответствующим материалом. Посредине комнаты стоял стол — в центре стола возвышался огромный жбан того, что казалось пуншем. На столе в изобилии были рассеяны бутылки с различными винами и крепкими напитками, а равно кружки, кувшины и бутылки всяческой формы и разного качества. Вокруг стола, на гробовых станках, сидела вшестером некая компания. Эту компанию я постараюсь описать, каждого по очереди.

Против входной двери и несколько возвышаясь над своими сотоварищами, восседала фигура, каковая по видимости была председателем праздника. Эта особа была худощавая и высока, и Снасти был смущен, увидя фигуру еще более отошалающую, чем он сам. Лицо председателя было желто, как

шафран, — но ничего в нем, кроме одной черты, не было достаточно примечательно, чтобы заслужить подробное описание. Этой одной чертой являлся лоб, столь необычно и отвратительно высокий, что имел он вид колпака или короны из плоти, данной в прибавку к естественной голове. Рот его был собран в складки и играл ямочками в выражении чудовищной любезности, и глаза его, правда как и глаза всех сидевших за столом, были стекловидны от винных паров. Этот джентльмен с головы до ног был одет в богато вышитую гробовую мантию из черного шелкового бархата, небрежно наброшенную вокруг его тела наподобие испанского плаща. Голова его вся была утыкана черными перьями из гробового султана, он ими покачивал из стороны в сторону с веселым и понимающим видом; а в правой руке своей он держал огромную человеческую берцовую кость, которую, как кажется, он только что легонько ударил кого-то из сочленов общества, дабы принудить к песне.

Напротив него, и спиною к двери, сидела дама, свойства ничуть не менее чрезвычайного. Хотя совершенно такого же высокого роста, как особа только что описанная, она не имела права жаловаться на неестественную худобу. Она была, очевидно, в последнем градусе водянки; фигура ее весьма походила на огромный бочонок октябрьского пива, который стоял совсем около нее, с вдавленным верхом, в углу комнаты. Лицо ее было необыкновенно кругло, красно и полно; и та же самая особенность или, вернее, отсутствие особенности, сочеталась с ее наружностью, как и в ранее описанном случае с председателем, то есть лишь одна черта ее лица была достаточно отличительна, чтобы нуждаться в особой характеристике: правду сказать, остроумный Брезент немедленно заметил, что то же самое замечание могло бы быть применено к каждой отдельной особе, принадлежавшей к данной компании; каждый в ней, казалось, имел монополию на какую-нибудь отдельную часть физиономии. Что касается упомянутой дамы, ее частью был рот. Начинаясь у правого уха ужасающей расщелиной, он соскользнул до левого — короткие серьги, которые

она носила в каждом ухе, болтаясь, беспрерывно попадали в отверстие. Она, однако, делала всяческие усилия держать свой рот закрытым и соблюдала достойный вид, будучи одета в свеженакрахмаленный и выутюженный саван, подпиравший ее под подбородком, с гофрированными рукавичками из батистовой кисеи.

По правую ее руку сидела маленькая-премаленькая дама, которой она, по-видимому, покровительствовала. Это деликатное созданище дрожанием своих исхудалых пальцев, синим цветом своих губ и легким лихорадочным румянцем, который пятнами окрашивал ее, вообще говоря, свинцового цвета лицо, давало явные указания на галопирующую чахотку. Вся ее наружность, однако, была проникнута весьма высоким тоном; с грациозностью и совершенною неприужденностью она была одета в широкие и красивые смертные пелены из тончайшего индийского линобатиста; волосы ее колечками упали на ее шею; мягкая улыбка играла вокруг ее рта; но ее нос, чрезвычайно длинный, тонкий, извилистый, гибкий и угреватый, свисал вниз гораздо ниже ее нижней губы и, несмотря на деликатную манеру, с которою она время от времени отодвигала его языком то в одну сторону, то в другую, придавал ее лицу несколько двусмысленное выражение.

Насупротив нее и по левую сторону от дамы в водянке сидел одутловатый, сопящий и подагрический старый человек, щеки коего покоились на плечах их обладателя, как огромные мехи с портвейном. Со своими сложенными руками и с одной ногой, обвязанной бандажами и лежащей на столе, он, казалось, считал себя имеющим права на некоторое к нему внимание. Он явно гордился, и превесьма, каждым дюймою своей наружности, но совершенно особенно услаждался тем, что обращал внимание на свой пестроцветный сюртук. Этот последний, правду говоря, должен был стоить ему немалых денег и сделан был так, что должен был идти к нему чрезвычайно — материалом для него послужил один из тех любопытно вышитых шелковых чехлов, что принадлежат славным гербам, которые в Англии и других

местах обычно вывешивают где-нибудь на виду на жилищах отбывшей аристократии.

Рядом с ним, и по правую руку от председателя, находился джентльмен в длинных белых чулках и в кальсонах из бумажной материи. Все тело его содрогалось смешным образом от приступов того, что Брезент назвал «ужасами» [*белая горячка*]. Челюсти его, свежевыбритые, были туго подвязаны кисейным бандажом; и руки его, будучи подобным же образом закреплены в кистях, возбраняли ему слишком свободное пользование напитками, находившимися на столе, — предосторожность, сделавшаяся, по мнению длинноногого Снасти, необходимой ввиду глупо-пьяного оттенка лица его, оголтелого лица пропойцы. Два волшебного-огромные уха, которые, без сомнения, невозможно было подвергнуть заключению, возвышались, тем не менее, вздымаясь в воздухе комнаты, и время от времени сжимались в спазме при звуке откупориваемой бутылки.

Против него, шестой и последний, помещался некий персонаж, имевший совсем особенный окоченелый вид; будучи поражен параличом, он должен был, говоря серьезно, чувствовать себя очень не по себе в своих весьма несговорчивых одеяниях. Одет он был, в некотором роде единственно и несравненно, в новый, красивый, красного дерева гроб. Верхушка гроба, или шлем, жалась к его черепу и простиралась над ним наподобие клобука, придавая лицу в его целостности вид неопишуемой интересности. Прорези для рук были сделаны по бокам, в целях не столько элегантно-сти, сколько удобства, но одежда тем не менее возбраняла ее собственнику сидеть так прямо, как его сотоварищи; и в то время как он лежал, откинувшись на своем гробовом станке под углом в сорок пять градусов, пара огромных выпученных глаз вращала и устремляла свои чудовищные белки по направлению к потолку в абсолютном изумлении на свою собственную огромность.

Перед каждым из компании лежала доля черепа, которою он пользовался как заздравною чаркой. Над головами висел человеческий скелет, он подвешен был на верев-

ке, обмотанной вокруг одной из его ног и прикрепленной к кольцу в потолке. Другая нога, не ограниченная такою оковой, отступала от тела под прямым углом, заставляя весь качающийся и потрескивающий остов красуясь болтаться и делать пируэты по прихоти каждого дуновения ветра, проникавшего в комнату. В черепе этого отвратительного создания было некоторое количество раскаленного древесного угля, бросавшего колеблющийся, но яркий свет на всю сцену; между тем как гробы и другие товары, принадлежавшие к лавке гробовщика — предпринимателя похоронных процессий, были высоко нагромождены кругом в комнате и против окон, не позволяя ни одному проблеску ускользнуть на улицу.

При виде такой экстраординарной ассамблеи и уборов, еще более чем экстраординарных, два наших моряка не явили в своем поведении той степени декорума, какой можно было бы от них ожидать. Длинноногий Снасти, прислонившись к стене, около которой он случайно находился, уронил свою нижнюю челюсть ниже обыкновенного и расширил свои глаза до полного их объема, между тем как Хью Брезент, наклонившись настолько, что нос его был на уровне со столом, и распространив ладони обеих своих рук на коленях, разразился долгим, громким и горлающим ревом весьма несвоевременного и неумеренного хохота.

Не принимая, однако же, за оскорбление поведение столь чрезмерно грубое, высокий председатель улыбнулся непрошеным гостям весьма милостиво — с большим достоинством кивнул им головой, увенчанной черными перьями, — и, встав с места, взял того и другого за руку и подвел каждого к сиденью, каковое тем временем кое-кто другой из компании приготовил для них. Длинноногий Снасти не оказал на все это ни малейшего противодействия, но сел, куда ему было указано; между тем галантный Хью, отодвинув свой гробовой станок от главного конца стола поближе к маленькой чахоточной даме в саване, шлепнулся около нее в великом веселье и, угостив себя черепом красного вина,

выпил его в честь ближайшего знакомства. Но при таком притязании окоченелый господин в гробу явил себя чрезвычайно раздосадованным; и серьезные могли бы произойти последствия, если бы председатель, постучав по столу своим жезлом, не отвлек всеобщего внимания к следующей речи:

— Приличествует долгу нашему при настоящем счастли-
вом случае...

— Стоп, — прервал его Снасти с весьма серьезным видом, — стоп, погоди-ка, мол, немножко и скажи, что вы тут все за дьяволы и что вы тут делаете, разрядившись, как бесы нечистые, и лакая тут бессловесную синюю погибель, сложенную впрок на зиму честным моим корабельным товарищем, Виллем Вимбли, гробовщиком Коловоротом!

При таком непростительном образце дурного воспитания вся оригинальная компания привскочила на ноги и испустила стремительную череду диких демонских криков, которая раньше привлекла к себе внимание моряков. Председатель, однако, первый овладел своим спокойствием и, наконец, обращаясь к длинноногому Снасти с большим достоинством, снова начал:

— Вполне охотно мы удовлетворим всякое разумное любопытство, выказанное гостями столь высокими, хотя бы и явившимися без приглашения. Знайте же, что в этих владениях я монарх и правлю здесь нераздельною властью, нося титул Король Чума Первый.

Эти апартаменты, которые вы весьма нечестиво считаете лавкою Коловорота-гробовщика — человека, коего мы не знаем, чье плебейское имя никогда до этой ночи не оскорбляло наших царственных ушей, — эти апартаменты, говорю я, Тронный Зал нашего Дворца, посвященный заседаниям Совета нашего королевства и другим священным и возвышенным целям.

Благородная дама, что сидит насупротив, есть Королева Чума, наша Светлейшая Супруга. Другие высокие особы, коих вы видите, — все из нашей фамилии и носят знаки отличия королевской своей крови, имея соответствующие титулы — Его Светлость Эрцгерцог Чумоносный —